

© 1992 Е. Е. ДМИТРИЕВА

СТЕРНИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ И РОМАНТИЧЕСКАЯ ИРОНИЯ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

В статье демонстрируется одновременность воздействия на Гоголя как собственно романтической (йенская школа), так и доромантической (Стерн) традиции. Гоголю была близка стерновская идея автора, свободно манипулирующего героями и текстом, что романтиками впоследствии было истолковано как бесконечность процесса создания текста-мира. С этим связана ироническая техника повествования у Гоголя, диалектика самосозидания и саморазрушения — свидетельство романтической относительности всякого суждения о мире.

The article demonstrates the simultaneous influence of the romantic art (the romanticism of Jena) and preromantic tradition (Lawrence Stern) on Gogol. Gogol was impressed by Stern's idea of the author who manipulates freely with his heroes as well as with his text (this literary principle of Stern was later interpreted by romanticists as an endless process of the Text-World creation). Basing on Stern interpreted in a romantic way, Gogol invented the ironical narrative — a constant exchange of creation and selfdestruction, proving the romantical relativity of all judgements on the world.

В исследовательской литературе вопрос о романтической иронии у Гоголя скорее ставился, нежели решался (см. [1—4]). Лишь в относительно недавней статье К. Кульяну-Жеоржеску «Рождение рассказа в Диканьке. К новому прочтению фантастической прозы Гоголя» подчеркнута мысль о роли романтической иронии в формировании повествовательных принципов писателя [5].

Между тем проблема романтической иронии у Гоголя вписывается в более широкий контекст. Существовала ли универсальная ирония в русской литературе вообще? Или же это было явление преимущественно германского духа и германской музыки? Примечательно, что в обобщающих исследованиях по русскому романтизму вопрос о романтической иронии чаще всего обходится стороной. Совершенно отсутствует это понятие в двухтомнике «История романтизма в русской литературе» [6], в книгах Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики» [7] и А. М. Гуревича «Романтизм в русской литературе» [8]. «Русскому романтизму оказались чуждыми и крайний индивидуализм западных (прежде всего немецких) романтиков, и порожденная этим индивидуализмом романтическая ирония», — писал Е. А. Маймин в книге «О русском романтизме» [9].

С другой стороны, в работах, где вопрос о романтической иронии в русской литературе все же возникает, речь идет о произведениях, очевидно, находившихся на периферии романтической литературы, а иногда и вовсе имевших к ней весьма косвенное отношение. Так, например, Ю. В. Манн в главе своей книги [10] с симптоматичным названием «Ироническая обработка и преодоление романтического конфликта» рассматривает три произведения («Странствователь и домосед» Батюшкова, «Дурацкий колпак» Филимонова и «Ижорский» Кюхельбекера), из которых только мистерия Кюхельбекера может быть признана ро-